

АСТ

Фамильное проклятье

Галина
Куликова

Галина Михайловна Куликова

Фамильное проклятье

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170780
Фамильное проклятье: Эксмо; М.; 2001
ISBN 5-04-006422-5

Аннотация

Фамильное проклятье, которое навлекла на свой род легкомысленно сбежавшая из-под венца прабабка Насти Шороховой, теперь коснулось и самой Насти. Оно уже не раз показало свою силу: один за другим погибают мужчины, отважившиеся полюбить Анастасию. Но очередной претендент, Руслан, не верит в злой рок и обращается за помощью к частным сыщикам с просьбой разобраться в происходящем. Сюрприз был преподнесен уже на следующий день: в него стреляли. Похоже, пресловутое проклятье обрушивает свой гнев на всех, кто пытается раскрыть его тайну...

Галина Куликова

Фамильное проклятье

Вероника Матвеевна – сорокапятилетняя женщина весьма приятной наружности, с дружелюбным взглядом карих глаз – первой представала перед всяким, кто открывал дверь частного детективного агентства «Шанс». В ее задачу входило: клиента немедленно обаять и, если что, не дать ему передумать и сбежать. Оказать ему морально-психологическую поддержку, так сказать. Кроме того, Вероника Матвеевна клиентов сортировала. Ей доверяли самой решать, к кому отправить того или иного посетителя. Если посетитель держался надменно, как хозяин жизни, она автоматом отсылала его к шефу. Кому, как не Пучкову – представителю, чуть вальяжному господину с барскими манерами – разбираться с этой породой? Женщины, как правило, попадали к Саше Таганову, самому молодому и симпатичному детективу, славившемуся своей обходительностью. Примесь восточной крови отзывалась в нем порой излишней горячностью, но она же даровала ему живой ум, хитрость и изворотливость.

Нынешнего посетителя Вероника Матвеевна, как только увидела, нацелилась передать третьему из сотрудников «Шанса», Стасу Бессонову. Стас был азартен. Именно поэтому ему сбрасывали всех неординарных, странных или просто подозрительных личностей. Молодой мужчина, стоявший теперь перед Вероникой Матвеевной, попадал в категорию «сомневающихся». Он шевелил бровями, втягивал щеки и пускал блуждать по лицу кривую ухмылку, всем своим видом демонстрируя, что с ним произошло нечто нелепое. Внешне он походил на древнего скандинавского воина – высоченный блондин с копной светлых волос, спадавшей надо лбом на два крыла, с короткой светлой же бородкой и усами, с глазами цвета незабудок. На вид ему было чуть за тридцать. Вероника Матвеевна нажала на кнопку на столе, и несколько секунд спустя Стас Бессонов, спец по всяким нетривиальным происшествиям, уже распахивал дверь своего кабинета.

Стас был примерно одного возраста с клиентом; они быстро и легко познакомились и почти что по-приятельски начали разговор. Викинга звали Руслан Фадеев. Он был бизнесменом средней руки, о своем бизнесе сообщил вскользь, и Стас понял: проблемы Руслана Фадеева скорее всего связаны вовсе не с деловой сферой.

- Верите, даже не знаю, как сказать, – усмехнулся клиент, теребя бородку.
- Скажите, как есть, – предложил Стас. – У вас что-то случилось?
- Да нет. То есть... Можно сказать и так.
- Что же вас взволновало до такой степени, что вы решили обратиться в детективное агентство?
- Слежка, – выпалил Руслан.
- Так-так, слежка – это уже кое-что. Когда вы заметили, что за вами следят?
- Два дня назад, как раз в понедельник.
- Вы засекли конкретных людей?
- В том-то и дело, что засек, – со странным смущением ответил Руслан.
- И кто же они?
- Вы не поверите, но это две старухи.

Стас Бессонов выпрямился и с некоторой растерянностью посмотрел на клиента. Тот с пониманием усмехнулся:

– Честное слово. За мной следят две старухи. Следят в полном смысле слова. Преследуют. Не спускают глаз. Одна передает эстафету другой. Если пытаюсь оторваться от них

на дороге, они гонятся за мной на такси. Если отправляюсь куда-то пешком, одна из старух семенит сзади. Если иду в ресторан, какая-нибудь караулит на выходе. Приезжая домой, я выглядываю в окно – и что бы вы думали? Эта зараза либо сидит на лавочке во дворе, либо прогуливается по тротуарам. Когда одна устает, ей на смену приходит другая.

– Звучит интригующе, – пробормотал Стас. – Кажется, я догадываюсь, чего вы хотите. Узнать все про настойчивых бабушек.

– Точно. Поначалу-то я забавлялся. Сначала удивился, потом стал веселиться. А вчера решил выйти из офиса перекусить в кафе через дорогу. Стою на светофоре, на самой кромочке. Чувствую – сзади кто-то дышит в спину. Оборачиваюсь – она! Такая вся воинственная, губы поджаты, глазки-буравчики. Я и подумал: а вдруг она хотела толкнуть меня под машину? Может, я когда-нибудь нечаянно задавил ее любимую кошку, или неуважительно сказал что-то возле газетного киоска, или я не знаю что еще... А другая пришла ей на подмогу.

– Старухи-убийцы? – недоверчиво усмехнулся Стас. – Это что-то новенькое. Что ж? Давайте решим вопрос о гонораре и приступим к делу. По всему выходит, какая-нибудь из бабулек топчется сейчас неподалеку от наших дверей?

– Нет-нет, – возразил Руслан. – Прежде чем идти к вам, я позаботился о том, чтобы оторваться. Вышел через черный ход парикмахерской и поймал машину. С одной стороны, вам было бы легче начать работу прямо от порога. С другой стороны, старухи, почуяв, что пахнет жареным, могли бы на время затаиться, и тогда бы вы их вообще не обнаружили.

– Вы поступили мудро, – похвалил Стас Руслана и придвинул к нему лист бумаги с ручкой. – Напишите свои координаты – адрес, рабочий адрес, все телефоны, марку и номер машины.

Когда все было готово и Руслан, расплатившись, собрался уходить, Стас Бессонов задержал его вопросом:

– Значит, у вас нет никакой собственной версии по поводу того, что заставило двух женщин преклонных лет пуститься в подобную авантюру?

– Ни одной.

Руслан Фадеев ушел, а Стас тотчас же вызвал всех в приемную и принялся рассказывать о новом деле.

– Завязка, как в кино, – хихикнул Саша Таганов. – Надеюсь, старухи были в черном?

– Может, какое-то другое частное бюро использует бабушек как внештатных агентов? – высказала предположение Вероника Матвеевна. – Может, они просто выполняют задание? Ведь бабуси, по идее, не должны вызывать подозрений у молодых бизнесменов.

– Ну, они работают непрофессионально, – заметил Пучков. – Раз клиент их тут же засек.

– Сейчас он отправился к себе в офис, пробудет там до вечера.

– Что ж, тебе и карты в руки, – сказал шеф. – Нужна будет помощь, позвони.

– Действуй активно, Стасик, – подбодрила его Вероника Матвеевна. – Я просто стораю от любопытства. Бабушки-шпионки – что может быть занимательнее?

* * *

Из окна своей машины Стас Бессонов, обескураженный, наблюдал за старушкой весьма преклонных лет – она курсировала по улице неподалеку от офиса Руслана Фадеева. Выглядела старушка презабавно в дутом китайском пальто с поднятым капюшоном и в итальянских полуботинках-ретро на кнопочках. На согнутой в локте руке у нее болталась маленькая кокетливая сумочка. Стас надеялся, что старушка не прячет в ней крошечный,

почти игрушечный пистолет, из которого с близкого расстояния вполне можно прикончить даже такого гиганта, как Фадеев.

Старушка, кажется, вовсе не скучала. Она с любопытством разглядывала прохожих, читала вывески и рекламные объявления на столбах, а когда подходила поближе, Стас видел выражение упрямой решимости на ее сухоньком личике. «Бабка будет стоять насмерть, – подумал он. – Что бы там ни было у нее на уме». Теперь, столкнувшись с преследовательницей лицом к лицу, Стас решил, что не стоит недооценивать опасность. У старух та еще закалка. Если уж такие выходят на тропу войны, можно ожидать самого худшего.

Через несколько часов начало смеркаться, повсюду зажглись фонари. К офису подкаати лимонное, нарядное по сравнению с прочей осенней серостью такси. Ткнувшись носом в тротуар, такси посигнало. Старушка встрепелулась, кивнула головой. После чего уже не прогуливаясь, а целенаправленно зашагала в сторону метро. «Смена приехала», – догадался Стас. Минут через десять Руслан Фадеев, высокий и импозантный, появился в дверях офиса. Остановившись на секунду, окинул взглядом окрестности. Потом двинулся к своему «Рено». Едва он отъехал, такси, разбрасывая по лужам яркие отражения, тронулось следом. Стас пристроился в хвосте. Можно было, конечно, бросить машину и проследить за первой старушкой. Но Стас решил, что не следует оставлять клиента без присмотра. Мало ли что...

Пока все шло, как обычно. Но вот они проводили Фадеева, и у Стаса появилась возможность разглядеть вторую старушку. Она была выше и представительнее первой – в темном пальто и шали, в перчатках из светлой кожи. Отпустив такси, старушка проследовала к беседке во дворе и, достав из сумки газету, расстелила на мокром сиденье. Уселась, немножко поерзала, затем сложила руки на коленях и замерла. «Неужели до утра будет караулить? – расстроился Стас: ему не улыбалась перспектива провести ночь в машине. „А как ей там, на ледяном ветру?“ – одернул он себя. Но вот в окнах Фадеева погас свет и, неподвижная фигура внезапно ожила – старушка двинулась к подъезду. „Уж не собирается ли старая вешалка проникнуть в квартиру и разделаться со спящим Фадеевым?“ – испугался Стас. Выбравшись из машины, он метнулся было следом, но старушка, словно „подслушав“ его мысли, резко свернула в сторону. Стас вернулся за руль и медленно покотил за ней, отпустив на приличное расстояние, чтобы не спугнуть.

Старушка дождалась автобуса и проворно забралась по высоким ступенькам в салон. Держась вплотную к грязному боку автобуса, Стас время от времени поглядывал на окна. В освещенном салоне четко виднелась прямая спина объекта наблюдения. Иногда бабушка, приложив ладони к вискам, смотрела в окно, и Стас невольно притормаживал – будто она могла догадаться, что за ней наблюдают.

Старушка привела Стаса на улицу Яблочкова. Он проследил за ней, доведя ее до квартиры, записал адрес и по телефону сообщил его Пучкову, чтобы тот по своим каналам выяснил все остальное.

Утром шеф встретил Стаса радостной улыбкой.

– Я звонил своим ребятам, они все проверили. Через час вместе с участковым пойдешь к старушкам в гости. Фадееву я звонил – он слышит их имена впервые в жизни.

– И кто же они, эти интриганки? – поинтересовался Стас, с благодарностью принимая из рук Вероники Матвеевны первую «рабочую» чашечку кофе. – Бывшие разведчицы?

– Пока что, – с торжественным видом проговорил Пучков, – никаких криминальных деяний за бабушками не замечалось. Кстати, я не сказал? Они сестры. Василина Сергеевна Стешина и Елизавета Сергеевна Ивлева.

– Две слетевшие с катушек сестрички? – усмехнулся Стас. – Может быть, они на грани нищеты и решили подработать рэкетом?

– Или какой-нибудь конкурент Фадеева мог заказать бабушкам собрать сведения о нем, – внесла свою лепту в обсуждение Вероника Матвеевна. – В какой парикмахерской

стрижется, где покупает галстуки, с кем встречается в нерабочее время, что предпочитает из напитков и так далее. Ну, вы понимаете...

Стас смутно себе представлял, как отреагируют старушки на появление участкового, да еще с ним в качестве сопровождающего. Удастся ли взять их на испуг? Если нет, то дело грозит затянуться и принести массу хлопот. Однако визит оказался даже забавным. Дверь открыла старшая сестра, Елизавета. Она была поменьше ростом и отличалась повышенной впечатлительностью. Младшая, Василина, не побоялась выказать визитерам свое неудовольствие. Бабушки были почтенного возраста – одной восемьдесят четыре, другой восемьдесят три, – но шустрые, живые, даже энергичные. И было очевидно, что Василина Сергеевна держала бразды в своих руках. К ней-то в первую очередь и обратился молоденький участковый, когда все расселись в большой и светлой комнате.

– На вас поступила жалоба, – заявил парень, делая вид, что копается в своем планшете в поисках этого документа. – Весьма добропорядочный гражданин Руслан Фадеев заявил, что подвергается с вашей, гражданочки, стороны преследованиям с неизвестными намерениями.

– Нас что, посадят на пятнадцать суток за мелкое хулиганство? – с иронией спросила Василина Сергеевна, и Стас едва удержал на своем лице серьезное выражение.

Однако участковому все было нипочем. Он сдвинул брови и заявил:

– Прошу разъяснить ваше поведение. Составим объяснительную записку, а там посмотрим, что делать дальше.

– А как нас выследили? – поинтересовалась Елизавета Сергеевна, ерзя на стуле.

– Милиция, она не просто так свой хлеб ест, – уклончиво объяснил участковый и строго посмотрел на старушек. – Расскажите, пожалуйста, зачем вы преследуете гражданина Фадеева?

– Мы его охраняем, – робко проговорила старшая сестра. – Ему, бедненькому, угрожает опасность.

– Опасность? Какая?

– Дело в том, что мы не знаем, – пожала плечами старушка. – Какая угодно. Он может утонуть, попасть под машину, удариться головой, да что угодно!

– И не думайте, что это бредни выживших из ума старых женщин, – нарушила молчание Василина Сергеевна. – Мы имеем дело с очень серьезным явлением.

Она с мрачной торжественностью смотрела на участкового, потом на Стаса.

– С каким явлением? – едва ли не одновременно спросили визитеры.

Василина Сергеевна пожевала губами и с явной неохотой ответила:

– С фамильным проклятием.

* * *

Настя Шорохова спешила на свидание с единственной подругой. Свидание назначила по телефону полчаса назад. Глаза Насти лихорадочно блестели, тоненькая фигурка девушки летела навстречу яростному осеннему ветру. Волосы цвета ржавчины растрепались, ветер бросал пряди прямо в лицо, и Настя сдувала их или отбрасывала резкими движениями. Прохожие сутулились и пытались поплотнее запахнуть на себе плащи и пальто; Насте же было совсем не холодно, ей было даже жарко.

Светлана увидела ее еще издали и покачала головой. Было ясно как дважды два: подруга опять ужасно несчастна. Обаятельная женщина, здоровая, умная, добрая – и такая жуткая невезуха по жизни.

– Что случилось? – с тревогой спросила Светлана, когда Настя подлетела к ней и схватила за руку.

– Это опять началось!

– В каком смысле?

– Руслан захотел познакомить меня со своей мамой. Можешь себе представить?

– О господи! – воскликнула Светлана. – Как неудачно. А ведь производил впечатление абсолютно легкомысленного парня!

– В том-то и дело! Ничто не предвещало беды. Мы просто время от времени проводили вместе досуг.

– И что ты ему сказала?

Подруги вошли в маленькое кафе, разделись и заняли столик у самого окна. В помещении оказалось тепло, пахло булочками, ванилью и кофе. Отсюда было особенно приятно глядеть на улицу, где ветер то кидался на прохожих, то зарывался в горы мокрой листвы.

– Я вела себя ужасно. – Настя нахмурила тонкие брови, и ее светло-серые, с точечками голубизны глаза мгновенно потемнели, как снег, пропитавшийся влагой. – Я стала кричать на него. Он, конечно, ничего не понял.

– А какой он красивый... – мечтательно протянула Светлана. – Жаль, что ты не в состоянии прибрать его к рукам.

– Я не могу! – воскликнула Настя. – Просто не могу. Ты же не хочешь, чтобы с ним что-нибудь случилось? Вот! И я не хочу. Он еще молодой. Пусть женится, заведет детей... – Настя в раздражении ткнула вилкой в жареный картофель.

– Тебе надо было ему все рассказать, – заявила Светлана. – А то он посчитает тебя дурой.

– Да пусть себе считает! Все равно я не стану с ним больше встречаться.

– Вообще?

– Вообще, – отрезала Настя. – Ты бы на моем месте стала?

– На твоём месте... – Светлана поморщила свой длинный, по-лисьему чуткий нос. – Не хотела бы я оказаться на твоём месте, честно скажу. Но если бы вдруг оказалась, то... Прежде чем начинать с кем-то встречаться, я пошла бы к магу. Или к колдунье какой-нибудь.

– А-а... ну да. Ясновидящая Эльвира вернет вам счастье по первому требованию. Возвращенное счастье оплачивается наличными. Телефон, факс, расчетный счет прилагаются.

– Мы можем поискать тебе бабку, – не сдавалась подруга. – Говорят, в деревнях еще остались бабки. Такие, всамделишные.

– Я тебя умоляю, – простонала Настя, – оставь свои варварские идеи.

– Что же, я должна молча смотреть, как ты увядаешь?

– Я уже увядаю? – Настя схватилась за лицо. – Да, конечно, увядаю. Мне двадцать восемь лет. Хотя, нет, вряд ли я увядаю. Напротив, скоро опять покроюсь прыщами.

– Какими прыщами? – не поняла Светлана.

– Подростковыми. Потому что у меня секс – как у подростка, редкий и бессистемный. И мужчины рождают во мне только отрицательные эмоции.

– Слушай, а что если тебе сменить сексуальную ориентацию? Не думаю, что женщина, с которой ты будешь жить, попадет под поезд или выпадет из окна. Это проклятие – оно ведь распространяется только на мужиков.

– Все шутишь? – Настя подперла щеку кулаком. – А мне не до шуток. Руслан сегодня опять звонил. Если он начнет проявлять настойчивость, придется ему все рассказать. А мне так этого не хочется! Вспоминать все эти ужасы... Бр-р...

– А ты уже сообщила бабушкам?

– Сообщила, – фыркнула Настя. – Баба Лиза принялась креститься и побежала зажигать свечи под образами. А баба Василина с расстройства хлопнула коньячку. Они уже слишком старые, чтобы можно было всерьез рассчитывать на их поддержку.

* * *

– Откуда я мог знать, что две эти гримзы – твои родные бабушки? – защищался Руслан. – У тебя другая фамилия. Разве догадаешься? В сущности, ты сама виновата. Могла бы познакомить меня со своей родней заблаговременно.

– Никогда этого не будет! Это невозможно, говорю же тебе! – заявила Настя.

Сегодня она казалась Руслану особенно красивой в длинном белом свитере с высоким воротом и замшевой куртке кофейного цвета. В глазах – тревога, щеки покраснелись, руки отчаянно теребят пару перчаток.

– Дорогая, я, конечно, верю в телекинез и прочие чудеса природы, но близко к сердцу все это не принимаю. Если ты всерьез считаешь, что проклятие, адресованное твоей прабабке, передается по наследству, то я, конечно, могу сходить с тобой к экстрасенсу...

– Нет! – перебила Настя. – Самый лучший выход для нас – вообще перестать встречаться. Нам и сегодня не стоило видеться тет-а-тет. Нужно было ограничиться телефонным разговором.

– А если я хочу видеться с тобой? – негромко, почти интимно проговорил Руслан, и Настя застонала в отчаянии.

– Если хочешь знать, я выбрала тебя только потому, что ты самый легкомысленный мужчина из всех, кого я встречала в своей жизни. По крайней мере, был таким, – сказала Настя. – Я наводила о тебе справки.

– Да-а?

– Да! Мне говорили, что в твоих руках женщины похожи на песок: ты набираешь их целыми горстями, а они в считанные секунды просачиваются сквозь пальцы.

– Редкая болезнь, – усмехнулся Руслан. – Недержание женщин.

Они стояли на Тверской возле черно-белых скамеек с изогнутыми спинками. Стояли, не обращая внимания на начавший накрапывать дождь и бегущих прохожих.

– Я рассчитывала на то, – продолжала Настя в запале, – что мы будем просто приятно проводить время, понимаешь? Что я для тебя – всего лишь одна из многих, никто.

При этих ее словах Руслан перестал улыбаться и, нахмурившись, строго сказал:

– Все то время, что мы вместе, я не встречался больше ни с одной женщиной.

– В том-то и весь ужас! – воскликнула Настя, едва не плача. – Если бы я узнала об этом раньше, я бы тебя давно бросила.

– Спасибоочки.

– Придется тебе все рассказать, – вздохнула она.

– Да уж, наверное, – с иронией сказал Руслан. – Должен же я знать страшилку, которая испортит мой сон.

Настя обняла себя за плечи и с осуждением покачала головой.

– Ты не ведаешь, над чем смеешься. Ладно, слушай. Все началось с моей прабабки Анны. В 1915 году ей только-только исполнилось девятнадцать. Она, как говорят, была красавицей невероятной. Молодая певица, талантливая, сводила с ума публику и... мужчин. Одного Анна выделяла особо – двадцатилетнего ротмистра Дмитрия Шестакова. Она согласилась стать его женой, а потом взяла – и сбежала из-под венца.

– Чтобы выйти замуж за другого? – предположил Руслан. – За кого же она вышла?

– За графа Сергея Пустова. Взбешенный ротмистр явился на свадьбу и прилюдно проклял свою вероломную возлюбленную. Причем проклятие его было изошренным.

– Он сказал, что когда-нибудь ее правнучку убьет блондин по имени Руслан Фадеев. – Руслан показал крепкие зубы бизнесмена.

– Нет. – Настя не желала принимать его шуточный тон. – Он сказал, что ни одна женщина в ее роду никогда больше не сможет насладиться долгим личным счастьем. Век мужчин, отважившихся полюбить всякую из наследниц Анны, будет недолог. Как недолог был век его, Шестакова, любви. Понимаешь, он в гневе пообещал влюбленным мужчинам смерть. Всем.

– Наверное, гости испугались, – заметил Руслан, пряча в усах улыбочку.

– Еще бы. Ротмистр Шестаков отличался высоченным ростом и блистательной, но страшноватой красотой – брюнет с темными глазами и низким, тревожащим сердца голосом.

– Вижу, эту историю ты уже обкатала. Все звучит так драматично.

– Не только звучит, – заверила Настя. – Теперь давай пройдемся по нашей родословной.

– Давай.

– Через год после замужества моя прабабка родила дочку Елизавету, следом за ней Василину. А потом настал семнадцатый год. Графа Пустова расстреляли. Анна тогда в первый раз всерьез задумалась о проклятии Дмитрия Шестакова. Она так больше никогда и не вышла замуж. Да и вообще... Времена были еще те. Все пропало – муж, состояние и даже талант, которым она больше ни разу не блеснула.

– Так уж и все? – спросил Руслан.

Настя с жалостью поглядела на него и продолжала, будто не слышала вопроса:

– Жених моей бабушки Лизы буквально накануне свадьбы свалился с лошади и сломал себе шею.

– Бедняга, – пробормотал Руслан.

– Она так и осталась старой девой.

– Наверное, теперь она об этом пожалела и стала бегать за мной, – попытался сострить Руслан.

Настя шутку не приняла.

– Бабушка Василина, – продолжала она, – вышла замуж в январе сорок первого года. В самом начале войны ее муж погиб на фронте, а через шесть месяцев родилась моя мама, Наташа.

Слово «мама» заставило Руслана воздержаться от комментариев. Мама была уже чем-то близким, человеком из сегодняшнего мира, а не из какого-то невнятного прошлого, которым его пытались пугать.

– Мама поздно встретилась с отцом. Ей уже исполнилось тридцать. Отец был партийным работником плюс ко всему женатым. Вскоре мама сообщила, что беременна. Отец так ее любил, что решил сломать свою прежнюю жизнь. Карьера, семья – все было порушено. Из-за любви.

– А как умер твой отец? – осторожно полюбопытствовал Руслан.

– Ужасно умер. – На лицо Насти легла тень. – Они погибли вместе с мамой на глазах бабушки. Мне было всего полгода. Вся семья ехала в машине, и мама держала меня на руках. Остановились неподалеку от заправочной станции. Бабушка Василина вышла первой. Мама передала ей меня. И в этот момент машину сзади протаранил грузовик с пьяным водителем.

Настя говорила короткими фразами, стараясь скрыть боль.

– Ужасно, – пробормотал Руслан и погладил ее по волосам, он не знал, как выразить свое сочувствие. – Тебя вырастила бабушка?

– Обе бабушки. Мы жили все вместе.

– Полагаю, бабушки тебя здорово накрутили. Конечно, все, что ты рассказала, звучит довольно печально... Но в жизни случаются и не такие повороты, поверь мне, ласточка. Просто несчастливая судьба. А много ты знаешь счастливых женщин? – Руслан снова перешел на уверенный, чуть покровительственный тон. – Ну почему, почему ты думаешь, глупышка, что во всем виновато проклятие? Ты полагаешь, что твоего избранника тоже ждет могила?

– Что значит «ждет»? – взбеленилась Настя. – Ты сам идиот, Руслан, если принимаешь меня за экзальтированную дуру! У меня уже было три жениха! – Она растопырила перед его носом три пальца, потрясая ими. – Три! И все они умерли. Погибли. Понимаешь?! Их больше нет! И тут ты со своим шизоидным предложением познакомиться с мамой!

Настя была в бешенстве. Или в истерике. Она предупреждала: узнав правду, Руслан испугается. И он действительно испугался.

– Детка, детка, успокойся, – начал приговаривать он, хватая ее за плечи. – Хочешь сигаретку?

– Хочу.

Настя редко курила, а Руслан никогда ее не провоцировал. И сейчас он впервые сам протянул ей раскрытую пачку и поспешил зажечь огонек. Она резко выдохнула дым, и он на секунду завис в воздухе, словно миниатюрное кучевое облако. Но первый же порыв ветра – и облако, метнувшись куда-то вбок, мгновенно растворилось в воздухе. «Так бы пустить по ветру все страхи, – тоскливо подумала Настя. – Мгновение – и нет ничего».

– Можешь рассказать толком, что случилось со всеми твоими поклонниками?

– Конечно, расскажу, – отрывисто проговорила Настя. – Иначе не стоило и начинать. Только без подробностей. У тебя и так останется тяжелое впечатление, а мне и подавно не хочется углубляться. Мне было девятнадцать лет, когда я получила первое предложение руки и сердца. Жених оказался завидным, у него был загородный дом с широкой деревянной лестницей, ведущей на второй этаж. С этой лестницы он и свалился. Недели не прошло, как он сделал мне предложение.

– Ты, конечно, впала в депрессию.

– И надолго. Потом все более или менее успокоилось, я поступила на биофак, с головой погрузилась в учебу.

– А потом?

– А потом в меня влюбился мой сокурсник. Просто голову потерял. Ходил за мной как привязанный. Поторопился сделать предложение. Через неделю после этого он исчез. Испарился. Как будто его и не было вовсе. Ушел из дома – и не вернулся.

– Кошмар какой, – прокомментировал Руслан.

– Три года назад, после биофака, я устроилась в «Экодизайн». Там работал Леша Самсонов. Когда он начал за мной ухаживать, я ему все рассказала. Но Леша, – Настя остро взглянула на Руслана, – принялся убеждать меня, что фамильное проклятие – не более чем миф. Просто такое стечение обстоятельств, говорил он...

Настя вспомнила про сигарету и, замолчав, принялась приканчивать ее коротенькими нервными затяжками.

– И вот он решил познакомить меня со своими родителями. Договорился на воскресенье. А в субботу ночью свалился с балкона своей квартиры. Полиция сказала, он немного выпил, так что...

– Разбился насмерть? – спросил Руслан.

– Насмерть, пятый этаж.

Лицо Руслана вытянулось и слегка побледнело. А его чудесные незабудковые глаза теперь шныряли по сторонам, словно уже искали во враждебном мире неведомую опасность. Настя невесело усмехнулась, но тут же одернула себя: «Нечего грустить. Во-первых, Руслана так и так надо было ввести в курс дела. А во-вторых, я ведь не люблю его. Он для меня просто очередной навязчивый поклонник».

– Почему ты рассказала мне обо всем только теперь? – откашлявшись, спросил поклонник, кажется, уже пожалевший о своей навязчивости.

– Ну, до сих пор наше знакомство ни к чему не обязывало. А потом ты вдруг заговорил про свою маму...

– Это все ерунда, – пробормотал Руслан. – Я рассказал всем своим друзьям, что без памяти влюблен в тебя и подумываю о женитьбе. Я был чертовски несдержан в выражении эмоций. Я прилюдно пил за твое здоровье и называл тебя лучшей девушкой в мире.

– Какой ужас!

– Полагаешь, мне придется из-за этого умереть? – криво усмехнулся Руслан и подергал себя за бороду. – А у тебя нет какого-нибудь противоядия? Ну... чтобы заблокировать проклятие?

– Если бы было, я бы давно уже вышла замуж, нарожала детей и жила себе припеваючи, – ответила Настя.

Дождь усилился. Несколько крупных капель упало Руслану за воротник, и он, словно очнувшись, молниеносным движением раскрыл над головой зонт, который до сих пор держал в руке. Зонт был большой, с глубоким куполом, и Руслан с Настей невольно придвинулись поближе друг к другу. Он глянул по сторонам и посмотрел на затянутое тучами небо, посмотрел так, словно только что вышел на улицу и прикидывал: попадет ли под ливень? Затем Руслан нахмурился, брови его сдвинулись – он напряженно размышлял. Наконец взглянул на Настю прямо в глаза и спросил:

– Почему ты решила, девочка моя, что в твоих бедах виновен злой рок, а не какой-нибудь злой человек? Возможно, у тебя есть враг? Враг, который хочет сделать тебя несчастной?

* * *

– Это и в самом деле страшная история, – сказала Настя, немного смущаясь оттого, что оказалась в центре внимания.

На нее с интересом смотрели целых пять пар глаз. Они собрались все – Бессонов, который начал дело, заинтригованная Вероника Матвеевна, улыбочивый Таганов и вальяжный Пучков. Руслан тоже присутствовал. Руслан, который привык быстро решать любые проблемы с помощью денег. Деловой, прагматичный, почти мгновенно отбросивший версию о проклятии, он смотрел на Настю с сознанием своего мужского превосходства. И было совершенно очевидно: он считал Настину историю мифом и намеревался доказать это. С помощью детективов, разумеется.

Во время Настиного рассказа диктофон, стоящий в центре стола, крутил и крутил пленку, фиксируя все подробности, даты и имена.

– Это может быть ее враг, – сказал Руслан. – Он решил навсегда испортить ей жизнь. И даже, может быть, он надеется на то, что она покончит с собой.

– Вы с девятнадцати лет несчастны? – с сочувствием спросила Вероника Матвеевна, которая любила все подлинное – слезы, драгоценности и в том числе мелодраматические истории.

– Вернее сказать, запугана. – Настя едва заметно улыбнулась ей.

Пучков скреб подбородок и задал более существенный вопрос:

– Скажите, а когда вы впервые услышали историю своей прабабушки? Про ротмистра, бегство из-под венца... И от кого именно?

– От бабушек, разумеется, – удивилась Настя. – А вот когда? Я уж и не помню. Мне кажется, я знаю ее с младенчества.

– Ей дали негативные психологические установки, – авторитетно заявил Руслан. – Настя росла с убеждением, что трагедия обязательно произойдет.

– Думаешь, это мое биополе? – насмешливо проговорила девушка.

– А, собственно, какова наша задача? – подал голос Стас Бессонов. – Спрашивая, он глядел на Руслана, как на инициатора всего происходящего.

– Собрать максимум информации, чтобы верно оценить ситуацию. Я имею в виду и непосредственно проклятие, и в особенности последние три несчастья с Настинными... гм... женихами.

– Вы ознакомились с нашими тарифами? – вкрадчиво спросил Пучков.

Вероника Матвеевна усмехнулась. При Насте Руслан, конечно же, не станет мелочиться. У него наверняка есть возможность оплатить подобное расследование. Она, как всегда, оказалась права. Шеф увел дорогого клиента к себе в кабинет, а Стас пересел поближе к Насте. Впрочем, он называл ее Анастасией – она сама так представилась.

Когда Руслан Фадеев, закрывая зонт, только переступил порог агентства, она неожиданно выскользнула из-за его спины, такая тоненькая, с растрепавшейся прической. Волосы над ее лбом от влаги закрутились в крошечные колечки; серые же глаза глядели хмуро – цветом и выражением они напоминали небо за окнами.

– Анастасия, – негромко сказала она, протягивая руку.

Сегодня почему-то всем в агентстве, даже Пучкову, захотелось поручаться с клиентами. Когда очередь дошла до Стаса, он с трудом удержался, чтобы не поднести к губам холодную Настину ручку и не подышать на нее, согревая. Но Стас вовремя взглянул на Фадеева и подумал: он достаточно красив для такой девушки, вот пусть и заботится о ее руках.

Наконец Вероника Матвеевна отправилась варить кофе, Саша Таганов полетел отвечать на телефонный звонок, и Стас с Настей остались наедине. Он придвинул к ней большой блокнот и ручку. Попросил:

– Напишите, пожалуйста, коротенькие справочки по каждому персонажу дела.

– Начиная с прабабушки? – Настя подняла на него глаза, но Стас с честью выдержал взгляд в упор.

– Да, с прабабушки.

И Настя не догадалась, что волнует его. Она казалась ему совершенно очаровательной. Потрясающей. Это было как наваждение. *Его* наваждение. Любвеобильный Таганов, например, не особенно-то и напрягся. Шеф ограничился тем, что один раз выразил свои чувства, вскинув брови в немом восхищении. Для них Анастасия – просто красивая женщина, не более того.

Стас сидел и смотрел, как она пишет, держа ручку длинными фарфоровыми пальцами с короткими ногтями, покрытыми светлым перламутром. Смотрел, как чуть-чуть наклоняет голову к плечу, заправляя за ухо то и дело падающую на глаза прядь. Почему-то он вспомнил вдруг свою институтскую подружку Леру Михайлову, помешанную на Роберте Рэдфорде. Увидев фотографии или афиши с его изображением, она начинала тихонько повизгивать, точно болонка в предвкушении прогулки. Она таскала Стаса на все фильмы с его участием и могла просидеть в зале полтора часа, прижав к груди руки, словно в молитве. Стас посмеивался над ней и немножко ревновал. «Ты думаешь, я сентиментальная дура с мозгами четырнадцатилетней фанатки? – смеялась Лера. – Ошибаешься! Я достаточно взрослая, эрудированная и весьма практичная особа. Но когда я вижу на экране Рэдфорда, в моем организме происходит какая-то химическая реакция. Или даже мистический процесс».

Сейчас в организме Стаса происходил тот самый мистический процесс, о котором ему говорила в свое время Лера. Да, теперь-то он понял, что она имела в виду! Каждое движение Анастасии вызывало у Стаса болезненно-сладкое томление. Словно какой-то чертик забрался к нему в нутро и начал безобразничать, отчего сердце то замирало, то подскакивало, и всякие разные странные ощущения переполняли его до самой макушки.

Мистический процесс был грубо прерван появлением Фадеева.

– Я уже заканчиваю, – сказала Анастасия и, протянув Стасу лист, почему-то нахмурилась. – В случае чего, у вас есть мой телефон.

Стас тотчас решил, что сегодня же выучит его наизусть. Когда клиенты вышли и дверь за ними с мягким чавканьем захлопнулась, Вероника Матвеевна мгновенно придвинула к нему чашку с черным кофе. Волевым усилием Стас отвел глаза от двери и рассеянно улыбнулся. Проницательная Вероника Матвеевна его странную улыбочку осудила.

– Стасик, – вкрадчиво проговорила она, – тебя дома кое-кто ждет.

– Как будто я могу забыть, – пробормотал Стас, нахлотившись.

Дома его и в самом деле ждала жена – дама, которой он когда-то предложил руку. Правда, сердце оставил себе. Возникший дискомфорт в отношениях до сих пор не особо его волновал.

– Стас, жена целует тебя, когда ты возвращаешься с работы? – спросил появившийся в приемной веселый Таганов.

– Нет, она показывает мне штампик в паспорте.

– Он просто недоцелованный, – пояснил Таганов, обращаясь к Веронике Матвеевне.

Выходит, Таганов тоже заметил метаморфозы, происходившие со Стасом. Стас смутился. Этой же ночью ему приснился сон, пространство которого целиком заполнила Анастасия. «Смотри, Стас, – грозила она ему пальцем. – Влюбишься в меня – и фамильное проклятие падет на твою голову. Берегись, Стас...»

* * *

Настя явилась на работу, измученная жестокой мигренью. Ночь напролет она вспоминала все свои потери. Наутро ей не удалось скрыть глубокие тени под глазами – ни рассыпчатая пудра, ни маскирующий карандаш не желали придавать лицу даже подобия свежести. Не бодрила и мысль о том, что с сегодняшнего дня в ее жизни и в прошлом ее семьи будут копаться совершенно посторонние люди. Она представила, как детективы собираются в приемной и начинают перемывать ее, Настины, косточки. В конце концов они даже могут обвинить ее в чрезмерной любвеобильности. «Подумать только – три трупа за девять лет! Не слишком ли часто эту девчонку тянуло замуж, с ее-то наследственностью!»

Отворив дверь под вывеской «Экодизайн», Настя тут же вспомнила Лешу Самсонова. Леша каждое утро брался за ручку этой самой двери, влетал в комнату и задорно возвещал: «Общий привет!» До тех пор, пока не понял, что жить не может без Насти. Она пыталась образумить его, но он ничего не хотел слушать. И погиб.

«Надо было низвести его восторги до пошлого романчика, – с раскаянием подумала Настя. – Как это было с Захаром». Имелся в виду Захар Горянский – ее бывший любовник и нынешний шеф. В момент образования фирмы их связь уже корчилась в тихих конвульсиях и окончательно была добита женой Захара, нанесшей Насте громкий визит, оставшийся не только в ее памяти, но и в памяти благодарных соседей. После этого инцидента Захар быстро скис и примерно полгода усердно притворялся существом бесполом и малоэмоциональным. Но после смерти Лешы Самсонова внезапно зашевелился, попытался утешить Настю в ее горе, но она не поддавалась. Теперь же Захар снова вошел в азарт и время от времени делал пробные, осторожные заходы в ее сторону.

Сегодня, по всей видимости, снова настал один из таких дней. Захар и так-то не особо держал дистанцию с подчиненными, а уж когда флиртовал, то и вовсе терял ориентиры. Едва Настя бросила на стул сумку, Горянский скользнул к ее столу и, присев на самый краешек, нарисовал на своем лице милейшую улыбку.

– Божественно выглядишь, – с голубиной нежностью проворковал он.

Настя подняла на него больные глаза. Он и впрямь походил на голубя, мелкими шажками кружащего вокруг предмета своего обожания и раздувающего зоб.

– Ты выбрал не слишком удачный день для комплиментов, – сообщила Настя.

– Что поделать! Когда ты появляешься, меня тут же охватывает поэтическое настроение.

Витя Валентинов, перебиравший книги на стеллаже, не сдержался и громко хмыкнул. Захар мгновенно соскочил со стола и, просверлив Витину спину гневным взглядом, уже более нейтральным голосом проговорил:

– Если ты не в форме, могу подстраховать тебя на выезде. Ведь у тебя сегодня выезд за материалом?

– Я же поеду не одна, – сказала Настя. – С Олей.

Оля Свиридова сидела тут же – сидела с выражением легкого омерзения на лице. Быть невольным зрителем вульгарных заигрываний Горянского – удовольствие то еще. Настя иногда даже чувствовала себя виноватой перед коллегами. Они не понимали ее странного влечения к мужчинам, которых всякая незамужняя женщина мгновенно отбраковывает как «непроходной вариант».

Захару Горянскому было сорок шесть лет. Он периодически картинно отбрасывал со лба копну своих черных волос. На его круглом лице в глубоких пещерках жили маленькие темные глазки; яркие, вечно влажные губы без всяких затруднений штамповали улыбки; а где-то в недрах его черепной коробки, как подозревала Настя, работал трудолюбивый еврейский моторчик. Когда-то давно, когда фирма делала первые телодвижения в сторону собственного места под солнцем, в канун Нового года – все были уже тепленькими – Оля Свиридова завела Настю за буйную зелень кодиеумов пестролистных и с пьяной откровенностью спросила: «Настена, скажи правду, что такого делает Горянский в постели? Я ночами не сплю, все думаю, чем может удержать такую женщину, как ты, такой козел, как наш Захар?»

«А ведь он действительно козел», – подумала Настя, баюкая свою мигрень. Она прижала ладони к вискам и тихонько застонала. Наверное, подсознательно она до сих пор выбирала себе мужчин по принципу – кого не жалко. Красавец Руслан был явным отступлением от традиций.

– Может быть, Ольга сегодня останется в офисе? – не сдавался Захар. – А я отвезу тебя на машине.

Настя представила, как будет подбирать растения для большого заказа под мерное жужжание Захара, и непроизвольно поморщилась. Он был гениальным администратором, но в дизайне не смыслил ничего. Раньше безо всякого стеснения Захар демонстрировал прилюдно свой убогий вкус, предлагая, к примеру, заполнить стеллаж светлого дерева пластмассовыми кашпо или напустить рыбок гуппи в стильные аквакомпозиции Вити Валентинова. Однажды они собрались с духом и коллективно так осадили его, что Захар с тех пор и не помышлял о творческом участии в проектах. А может быть, они сказали ему правду во время очередной пьянки по случаю Первомая или Восьмого марта? Настя не помнила.

Так или иначе, но выбирать растения она с Захаром не поедет. Он точно будет мешать. Даже если обойдется без советов с его стороны, он все равно начнет цапать ее за руки или дышать в шею. «Надо было бы продемонстрировать Захару красавца Руслана во всем великолепии его роста и душевной широты, – подумала Настя. – Он бы раз и навсегда отвязался». Впрочем, теперь уже поздно. С Русланом она ни за что больше не согласится составлять пару, не хочет она брать на свою душу грех. Если с ним что-нибудь случится, ей придется уйти в монастырь и замаливать там грехи прабабушки.

Сам Руслан, однако, видел будущее Насти в более радужных тонах. Он позвонил ей прямо в офис и принялся развивать теории – говорил о причинах фатального завершения предыдущих Настиных романов.

– Я вполне допускаю, – вещал Руслан, – что твои бабки извращенно восприняли фамильное предание. Может, для них это дело чести – чтобы проклятие работало?

– То есть ты подозреваешь, что это баба Лиза и баба Василина методично расправлялись со всеми моими женихами? Только для того, чтобы семейная легенда не утратила актуальность?

– Ну да. А что? Знаешь, с каким остервенением они за мной гонялись?!

– Ладно, расслабься. Теперь, когда их разоблачили, они сидят смиренно. И вообще советую тебе не забивать голову всякими глупостями. Они думали, что я тоже от тебя без ума. Поэтому грудью встали на твою защиту. А ты оскорбляешь их подозрениями.

– Я заеду за тобой после работы? – спросил Руслан.

– Нет уж, дудки. Давай подождем, когда твои детективы что-нибудь раскопают.

Сказав про детективов, Настя тут же вспомнила вчерашнее посещение агентства «Шанс». И человека по фамилии Бессонов – он так странно смотрел на нее во время беседы. Она подумала о том, что этот Бессонов, возможно, пытается вызнать подробности ее связи с Юрой Торопцевым, и невольно покраснела. Позже он доберется до Леши Самсонова и наверняка появится в «Экодизайне». Настя представила, как Стас Бессонов широко распахивает дверь и застывает на пороге, фиксируя взглядом каждого из присутствующих. Кстати, у него удивительные глаза – коричневато-желтые, с островками темных крапинок и отчетливыми границами переходов из цвета в цвет. А сам взгляд – какой-то усталый. Он смотрит так, словно жизнь – его ремесло и он знает о ней все, что только возможно, и даже к самым невероятным ее проявлениям относится с пониманием, как истинный профессионал. Бессонов заинтересовал ее, это безусловно. Ей вспомнилось его лицо – резко очерченные скулы, прямой нос и крепко сжатые губы. Даже прическа у него такая, как нравилось Насте – короткая стрижка с густой, сброшенной набок челкой. «Ему лет тридцать, – подумала она. – И у него на пальце нет обручального кольца». Подружка Светлана тут же подсказала бы ей: «Или он просто его не носит».

* * *

Саша Таганов, у которого в настоящее время не было вообще никаких нагрузок, подключился к Стасу в тот же день. Пучков бросил его в неизвестность прошлого – велел заняться «историческим» материалом. Имелась в виду прабабка Насти Анна Ивлева и еще одна устрашающая личность – ротмистр Дмитрий Васильевич Шестаков.

– Вы не задумывались о том, что Анастасия Шорохова, – сказал Таганов в конце первого дня расследования, – вполне может претендовать на титул графини?

– В ней сразу можно угадать породу, – одобрительно кивнула Вероника Матвеевна. – Чувствуется голубая кровь. Какая осанка, посадка головы! Графиня Анастасия Шорохова...

– Скорее Пустова. Ведь фамилия графа была Пустов. Если девушка захочет, тут же получит бумаженцию и сможет вступить в клуб избранных. Время от времени она будет ходить туда вечерами, встречаться и разговаривать с равными себе... – Таганов говорил с иронией и вместе с тем торжественно. – Кстати, никто не знает, у нашего Стаса случайно не было знатных родственников?

– Решил прицепиться к парню, да? – подбоченилась Вероника Матвеевна. – Конечно, ведь тебе такой бриллиант, как Шорохова, не по зубам. А Стас, видишь ли, замахнулся!

Саша, хмыкнув, скрылся в своем кабинете. Стас же тем временем, как и предполагала Настя, занимался ее женихами. Первой в его списке стояла фамилия Торопцева, погибшего в 1991 году в результате несчастного случая. Надо сказать, что у Пучкова была налажена тесная и взаимовыгодная связь с бывшими коллегами из МВД, и никаких препон на пути к известной милиции информации, в сущности, не стояло. Все три дела – Торопцева, Локтева и Самсонова – находились в распоряжении Стаса.

Юрию Торопцеву только-только исполнилось тридцать пять, когда недалёковидный Амур подсунил ему в качестве объекта любовного томления красавицу Анастасию Шорохову. Торопцев тут же потерял голову и готов был бросить к ногам юной Насти все, что имел. А имел он по тем временам немало. Папа Торопцев контролировал финансовые потоки на государственной службе, и один из таких потоков пускал немножко в обход, через Торопцева-сына, который имел к тому времени не только квартиру и машину, но и особняк в Подмоскowie, а также блестящие перспективы для развития собственного бизнеса. Но перспективы эти так и остались перспективами.

Влюбившись, Торопцев провел блиц-криг и за один месяц успел Настю обаять и переселить к себе в двухкомнатную квартиру на Речном, а в подтверждение серьезности намерений подарил ей кольцо с бриллиантом. Однажды поздним августовским вечером жених с невестой посетили Большой театр, после чего Торопцев, оставив Настю в городской квартире, рванул в свой загородный дом, чтобы, как он сказал, забрать оттуда документы, необходимые для предстоящей деловой встречи. Там его и нашли на следующее утро – лежащим у подножия лестницы с удивленно распахнутыми навстречу вечности глазами и свернутой шеей. Никаких следов насилия или борьбы обнаружено не было, из дома ничего не пропало, и эксперты пришли к заключению, что с Торопцевым произошел несчастный случай. Он просто-напросто оступился на лестнице и покатился вниз. «Что ж, бывает и такое», – подумал Стас.

Тем не менее в деле была одна зазубрина. Некий гражданин Хитров, шестидесяти пяти лет от роду, проживавший в соседнем селе Голубятово и около полуночи волею странной судьбы оказавшийся неподалеку от дома Торопцева, заявил оперативникам, что видел, как хозяин подъехал на своей машине, открыл калитку и прошел к двери. И уверял при этом: едва Торопцев включил свет в холле, из темноты сада появилась его невеста, Настя, которую Хитров знает очень хорошо, так как две недели подряд Настя каждый день приходила к его жене за парным молоком. Торопцев вроде бы страшно удивился, увидев ее, но потом они вместе зашли в дом, дверь закрылась, а гражданин Хитров без промедления отправился по своим делам.

У Насти Шороховой, однако, сложилось безупречное алиби. Сразу же после возвращения из театра она была вовлечена в скандал с пьяными разборками, произошедший у соседей по площадке. Именно Настя вызвала наряд милиции, давала показания и подписывала протокол. У гражданина же Хитрова были весьма нелестные рекомендации. Во-первых, по словам жены, в тот вечер он был вусмерть пьян, так что вряд ли мог кого-то с уверенностью опознать. Во-вторых, на почве выпивки вышеозначенный гражданин нередко страдал галлюцинациями и уже встречался не только с Софи Лорен, но и с самой Девой Марией. Тем не менее опергруппа провела дополнительные следственно-разыскные мероприятия, но ни одна женщина, которая могла бы оказаться в полночь в подмосковном доме Торопцева, обнаружена не была.

«Допустим, что женщина все-таки была, – подумал Стас Бессонов, делая первую запись в своем блокноте. – Искать ее девять лет спустя – бесполезно. Ее можно только вычислить».

* * *

– Представляешь, как Руслан в тебя втрескался, раз собирается вбухать бешеные деньги практически ни во что! – сказала Светлана, подавая подруге пепельницу.

– Может быть, в этом что-то есть, – возразила Настя. – Действительно, вдруг существует загадочный некто, который пытается сломать мне жизнь?

– Убивая твоих женихов? – хмыкнула Светлана. – Это вряд ли. Чтобы испортить жизнь, надо убивать любовников.

– Если ты уже замужем, то да, – вздохнула Настя. – Ты, Светик, циник и все воспринимаешь шиворот-навыворот.

– Так разве это цинизм? Просто неприспособленность к жизни.

– Это ты-то неприспособленная? Бухгалтер крупной компании, муж – золото, замечательный сынишка...

– Я уже заплатила за все это. – Светлана прикурила и, закинув ногу на ногу, откинулась на спинку дивана. – Я имею в виду Степана.

Степан Фокин был первым мужем Светланы. Когда они поженились, ему едва исполнилось девятнадцать, а Светлане двадцать. Лихой, грубоватый парень, росший без матери, Степан пускался в частые загулы, скандалил и даже, кажется, поколачивал молоденькую жену. Именно у него она научилась жесткости в отношениях и даже слегка ополчилась против мужчин вообще. Через год после развода дела Степана резко пошли в гору. Он открыл автосалон «Эллада» на Коровинском шоссе и теперь преуспевал. Втайне Настя считала: если бы Светлана могла предвидеть подобный взлет, никогда бы не ушла от своего благоверного. Она в нем ошиблась и поэтому злилась. Она не разглядела в муже задатков делового человека, не унюхала своим длинным носом запахов грядущего благополучия.

Длинный нос являлся визитной карточкой Светланы. При этом он вовсе ее не портил, напротив, придавал ей особый шарм. Кошачий разрез глаз, мимолетные улыбки, манерность – все это придавало ее облику какую-то соблазнительную остроту, на которую так хорошо клюют мужчины. Правда, Светлана мужчин немного презирала, но отказаться от их внимания не могла – так проголодавшийся гурман не отказывается и от обычной пищи. Рядом с ней куда более привлекательная Настя зачастую проигрывала. Светлана умела быть эффектной, даже броской. Она изжила свои комплексы и не забывала напоминать своему нынешнему мужу, Никите, какой он получил грандиозный подарок, женившись на ней. Никита, в сущности, не возражал. Он был широкой души человек, и Насте порой приходило в голову, что Никита не вполне понимает, на ком, собственно, женился. Он идеализировал Светлану, считал ее существом не от мира сего, тогда как жена его была весьма приземленной и расчетливой особой. Настя прекрасно ее знала, но относилась к подруге снисходительно – другой у нее не было. Кроме того, она справедливо считала, что и сама имеет ряд недостатков, которые Светлана принимает как должное. Одно фамильное проклятие чего стоило! Не каждая подруга выдержала бы постоянный прессинг с ее стороны.

– Ну, так что? Финита? Роман с Фадеевым потерпел крах? – в интонациях Светланы сквозило нахальное злорадное удовлетворение.

– Я так решила.

– А он?

– Что он может поделать?

– А как же в таком случае расследование?

Настя пожала плечами:

– Это целиком его инициатива.

Сообщив это, Настя неожиданно поняла, что на самом деле уже прониклась идеей Руслана. Пусть проворные детективы перелопатят всю ее жизнь; они люди непредвзятые, незакомплексованные, незаинтересованные в конечном результате. И что получится, то и получится. Настя воспринимала расследование как некий, почти научный, эксперимент, результаты которого либо раз и навсегда снимут с нее проклятие, либо подтвердят худшие ее опасения.

– Расследование – это как хорошее проветривание того самого шкафа, в котором спрятан скелет, – сказала Светлана. – Удивляюсь, как ты вообще сохранила психическое здоро-

вье. Я на твоём месте уже угодила бы в какую-нибудь психушку, бегала бы в белом саване по коридорам. Кстати, а что, собственно, детективы собираются расследовать?

– Не знаю... Все обстоятельства...

– Начнут со смерти Торопцева?

– Честное слово, не знаю. Руслан сказал: надо поднять *всю* информацию, начиная с прабабушки.

– А бабуси твои в курсе?

– Да, я им сказала.

– Они не посчитали это кошунственным?

– Ну... – Настя наморщила нос. – Немножко. Баба Василина, по-моему, так привыкла к этой жуткой легенде, что вполне могла бы выступить с ней на сцене. Жесты, трагические интонации, леденящие кровь подробности... Если забыть, что все происходило на самом деле, можно было бы даже посмеяться.

Светлана плеснула себе в кофе коньяку и завинтила пробку на бутылке. Субботним утром она позволяла себе расслабиться. Сын был сдан бабушке с дедушкой, Никита уехал тусоваться со своими братанами. А Светлана принимала подругу в своей просторной кухне, в корейском пеньюаре из шелка, разрисованного райскими птицами.

– Мне кажется совершенно невероятным, что эти детективы что-нибудь обнаружат, – пожалала она плечами. – Даже милиция закрыла дела.

– Что означает твое «даже»? – спросила Настя. – Милиция – совсем другое.

– Да то же самое. Частные сыщики – они, как правило, сами бывшие менты. Только раньше они трудились почти бесплатно, а теперь снимают бабки с таких богатеньких буратинов, как твой Фадеев.

– Ну, не скажи. У них разная загрузка. Сколько дел у рядового оперативника и сколько – у частного детектива? Нет, моим фамильным проклятием занимаются с чувством, а не по обязанности. Есть ведь разница?

– Ладно-ладно, убедила, – махнула рукой Светлана. – Обещай держать меня в курсе. Хоть я и кажусь порой грубой и противной, все-таки я беспокоюсь за тебя.

* * *

Руслан Фадеев явился в «Шанс» в понедельник утром с помятым серым лицом.

– Простите за вид, просто я вчера напился, – признался он, с благодарностью принимая из рук Вероники Матвеевны чашку горячего кофе. – Можно поговорить с вами откровенно? – спросил он, глядя на Пучкова, который с самого начала весьма благожелательно отнесся к несчастному влюбленному.

Пучков сказал:

– Конечно, конечно. Выкладывайте все, что у вас на душе.

«Нам это может пригодиться», – добавил про себя Стас. Помятый вид Фадеева принес ему странное удовлетворение.

– Я перестал спать, – сдавленным голосом проговорил Руслан. – И есть.

«Вот только пить не перестал», – подумал Стас, прикидывая, чем со страху может накачаться человек, испорченный шальными деньгами. Виски? Или каким-нибудь коктейлем «Гибсон»? А может быть, он просто сосет водку из горла? Фадеева было трудно презирать, и смеяться над ним не хотелось. Он не делал лишних жестов руками, не гнал понтов, как говаривал Саша Таганов, не украшал себя перстнями и татуировками, и речь его была вполне грамотной.

– Хочу увеличить вам гонорар... – пробормотал Фадеев. – Если вы разгласите весть о расторжении моей помолвки.

– В смысле? – не понял шеф.

– Ну... Проинформируете мое и Настино окружение о нашем разрыве. Придумайте что-нибудь. Пока суд да дело, всякое может случиться, – пояснил клиент.

– А Шорохова пойдет на сотрудничество? – оживилась Вероника Матвеевна. – Согласится она, допустим, появляться в местах вашего обычного времяпрепровождения в обществе другого мужчины?

– Другого мужчины?

– Вот хотя бы Стаса. Стас, – Вероника Матвеевна всем корпусом развернулась к нему. – Сыграешь роль нового ухажера Анастасии Шороховой. Если кто-то уже нацелился на Руслана как на жертву, этот кто-то вынужден будет отступить.

– Я заплачу, – снова сказал Руслан, и Пучков, все это время вытягивавший губы трубочкой, тут же перестал кривляться и ткнул пальцем в Стаса:

– Выкроишь сегодня час-другой из своего графика и начнешь. Только, – он ласково улыбнулся Руслану, – не забудьте позвонить Анастасии.

Стас насупился и с неудовольствием посмотрел на Веронику Матвеевну. Та с невинным видом разглядывала свой маникюр. Стас отлично понимал, почему она выдала этот финт. Однажды жена Стаса Вика, «дыша шелками и туманами», забрела в офис к мужу. Минут за пятнадцать она очаровала неустойчивого к женским чарам Таганова, основательно выбила из колеи Пучкова, а Веронику Матвеевну, не сильно понижая голос, назвала «симпатичной старушкой». Так что подброшенная сегодня идея изобразить нового жениха Анастасии была с ее стороны мстью в чистом виде. Вероника Матвеевна видела, что Стас уже на крючке, и надеялась, что после серии личных свиданий с Шороховой он будет пришпилен насмерть.

– Она не согласится, – уверенно заявил Стас, когда Фадеев, приободрившись, выкатился из офиса. – Это и дураку ясно.

– Она *должна* согласиться, – с нажимом сказал Пучков, выразительно выпучивая глаза. – Нам уже заплатили. Так что назад пути нет.

Стас представил себе, как Фадеев звонит своей невесте и уговаривает ее пофлиртовать с совершенно чужим мужчиной. От этой мысли его почти в жар бросило. Почти.

Однако Настя отреагировала совершенно не так, как это можно было предположить. Когда Руслан позвонил ей, она сидела в офисе и листала каталог. Сначала он немного мямлил, но потом сосредоточился и изложил свою просьбу внятно и четко.

– Не возражаешь, если детектив Бессонов заедет за тобой прямо на фирму, часов в шесть?

Щеки Насти медленно наливались пунцовым румянцем. Пока длился этот процесс, она, ошеломленная, молчала, пытаясь переварить услышанное.

– Дорогая, ну, пожалуйста! – взмолился Руслан.

– Не волнуйся, – взяв себя в руки, сказала Настя. – В конце концов, это я во всем виновата. Так что мне и разбираться.

Стас Бессонов! Настя не представляла, как будет себя вести с этим человеком, который приедет... – Она вскинула руку с часиками к самым глазам. – Уже через два часа! Отшвырнув каталог, она выгрузила из сумочки всю наличную косметику и, не обращая внимания на плотоядные взгляды Захара, принялась наводить марафет. Не докрасив один глаз, она вдруг подумала, что ее сегодняшняя одежда не слишком-то годится для выхода в свет. Отшвырнув в сторону стул, Настя побежала к зеркалу и, оглядев себя, заколола волосы на макушке. Потом, снова распустила и побежала докрашивать глаз.

– Куда намыливаешься? – спросила Оля Свиридова, отвлекаясь от своих проектов и с интересом глядя на Настю. – Впервые вижу, чтобы один телефонный звонок поверг тебя в такую панику.

Захар насторожился.

– Я... – Настя хотела сказать что-нибудь нейтральное, но, вспомнив мольбы Руслана, твердо закончила: – Я еду со своим женихом в ресторан.

– Это тот, про которого ты рассказывала? По имени Руслан?

– Нет-нет, – поспешно возразила Настя. – Руслан давно в прошлом. Это совсем другой человек. Его зовут Стас.

Настя ничего не пожелала добавить. Ее поведение, а еще больше тон заинтриговали не только Олю Свиридову и ревнивого Захара, но даже и Витю Валентинова, который относился ко всем женщинам с одинаковым дружелюбием. Настя подозревала, что точно так же, как к женщинам, Витя относится к своей кошке Пуффи, царившей в его однокомнатной квартире в Чертанове.

Стас явился на десять минут раньше назначенного срока. Когда он отворил дверь, Настя, пытавшаяся с помощью нехитрой дыхательной гимнастики успокоить нервы, забыла сделать очередной выдох и несколько секунд сидела, надувшись, словно индюк, глядя на Стаса круглыми глазами.

А он молча и с невероятной целеустремленностью направился прямо к Насте, затем поднес ее похолодевшую руку к губам и со значением поцеловал. Настя шумно выдохнула. Стас же повернулся к народу и, обаятельно улыбнувшись, сообщил:

– Добрый вечер. Меня зовут Станислав.

По плану он должен был сказать еще что-нибудь, например: «Я влюблен в вашу коллегу и собираюсь на ней жениться». Или: «Мы с Анастасией будем рады увидеть всех вас на нашей свадьбе». Но, вспомнив свою жену Вику с ее гонором и непомерно разросшимся за последнее время чувством ревности, Стас решил промолчать.

Они покинули офис, оживленно беседуя, причем Настя говорила почему-то немного визгливым голосом, а Стас – чересчур громко. После их ухода комната словно опустела.

– И все-таки это произошло! – возвестил Витя Валентинов, снимая очки и шурясь в пространство.

– Что – это? – переспросил раздосадованный Захар, по привычке запуская пальцы в шевелюру.

– Наша Настя влюбилась, – пояснила Оля Свиридова, глядя на своего шефа с плохо скрытым злорадством. – Видели, как она?... Просто тащится от этого парня.

– Не факт, – бросил Захар, кое-как засовывая в портфель бумаги. – Скорее всего очередное увлечение. Он не тянет на стоящего парня. Такие хлыщи Насте не импонируют.

Оля фыркнула. Захар всегда считал, что только он один – шедевр в подлиннике, все остальные мужчины, претендующие на Настю, – или бледные копии, или грубые подделки.

Между тем Стас с Настей катили к ресторану «Пикник», который Руслан облюбовал несколько месяцев назад и где появлялся все это время только с одной женщиной – Настей. По плану, одобренному Пучковым, Стас должен был привезти ее сегодня именно туда, чтобы завсегда и собственными глазами увидели, что Настя – *бывшая* невеста Фадеева. А сам Руслан должен был раззвонить о расторжении помолвки как можно шире.

Вначале оба держались довольно натянуто, но постепенно напряженность спала, и вечер прошел приятно. Они потанцевали, посмеялись, выпили немного вина. Когда же вышли из ресторана и уселись в машину, Стас спросил:

– Куда вас доставить? Вы ведь живете с бабушками? Они мне очень понравились. Даже потрясли. Сколько энергии! Значит, на улицу Яблочкова?

– Нет-нет, – сказала Настя. – Я живу отдельно. На Речном.

В голове Стаса мгновенно раздался щелчок.

– На Речном? Это не та самая квартира... – начал было он, но Настя его тут же перебила:

– Та самая. Это квартира, в которой мы жили с Юрой Торопцевым. Я была там прописана, и после Юриной смерти его родители не возражали, чтобы я осталась. Они даже настаивали. Они знали, что мы собирались пожениться, что у нас все серьезно.

Настя принялась ломать пальцы, что делала всегда в минуты волнения.

– Не хотите поговорить об этом? – спросил Стас.

Он и сам не мог бы сказать, чего больше было в этом вопросе – заинтересованности детектива, ведущего расследование, или чисто мужского ревнивого любопытства.

– Ведь вам было тогда всего девятнадцать?

– Да, бабушки очень переживали, что Юра в два раза старше. Кое-как удалось их успокоить. Они считали, что зрелый мужчина сломает мне жизнь. А вышло наоборот – я отняла жизнь у него.

– Вижу, вы твердо стоите на своей версии случившегося, – заявил Стас, качая головой. – Убеждены, что всему виной проклятие, что оно действует.

– Еще бы! Ведь на мне оно отыгралось по полной программе, – сказала Настя, глядя в окно невидящими глазами.

– А если мы найдем другое объяснение?

Стасу почему-то очень хотелось, чтобы другое объяснение действительно нашлось. Потому что мистический процесс внутри его продолжался; и кто знает, чем он в конечном итоге мог завершиться? Может быть, и ему, Стасу, придется испытывать страх за свою жизнь?

– Завтра вечером отправимся в ночной клуб, – сообщил он Насте, когда автомобиль затормозил возле ее подъезда.

– Хорошо. Тогда до завтра.

– Подождите, я провожу вас до квартиры. Уже поздно.

– Мне нечего бояться, – с ноткой прежнего отчаяния в голосе проговорила она. – Со мной ничего не может случиться, вы ведь понимаете, правда?

– Это если верить в проклятие...

Стас довел ее до двери и остановился. Она доставала из сумочки ключ, а он с нежностью смотрел ей в затылок, смотрел на шею, белеющую под рассыпавшимися по плечам волосами. Настя неожиданно повернулась.

– До свидания, – сказала она и после некоторого колебания протянула Стасу руку.

Он осторожно пожал ее. Лампочка на этаже горела ярко, и все вокруг было залито каким-то странным желтым светом. Стас подумал: если сейчас наклониться и поцеловать Настю, она ничего не скажет, потому что ситуация совершенно нереальная.

Настя выдернула руку из его пальцев, превратившихся в тиски, и как-то жалобно улыбнулась. «Господи, да что это со мной? – в раздражении подумал Стас, сбегая вниз по лестнице. – Как будто я нажрался галлюциногенов и грежу наяву. Девчонка может вить из меня веревки. Хорошо, что она об этом не догадывается. Нет-нет, завтра надо будет взять себя в руки и не распускаться».

Но завтра преподнесло очередные сюрпризы. В половине седьмого вечера, повесив на шею самое дорогое кашне, какое у него имелось, благоухая цитрусовой туалетной водой, Стас под руку вел Настю к своей машине, когда телефон в кармане его плаща громко запиликал.

– Пардон, – пробормотал он, притормаживая. – Может быть, что-то важное? На линии был взволнованный донельзя Пучков.

– Стас, ты где? – с ходу спросил он.

– Мы с Анастасией, как и планировалось, едем развлекаться.

– Мне жаль, но придется все отменить. Срочно возвращайся в агентство. В Руслана Фадеева сегодня стреляли.

- Он жив? – тихо спросил Стас, отворачиваясь.
- *Пока* жив, – ответил Пучков, делая нажим на первом слове.
- Что, так плохо?

– Он в тяжелом состоянии. Пуля засела в грудной клетке. Наверное, метили в сердце. Сам понимаешь, что нам придется объясняться с оперативниками. И Шороховой, кстати, тоже. Если она не против, можешь прихватить ее с собой. Ей будет легче в нашем присутствии. Сможем поддержать, если что.

Когда Стас ввел бледную и растерянную Настю в агентство, она, обратившись к Пучкову, вместо приветствия сказала:

– Вот видите, видите! Наш маскарад оказался бессмысленным! Господа бога обмануть нельзя. Он-то знает, *на кого* направить свой гнев.

– Почему господа бога? Тогда уж дьявола, Анастасия, – возразил Пучков.

– Не хотите взглянуть на дело с другой стороны? – подал голос Стас. – Ваше пресловутое проклятие нацелилось на того самого человека, который платит за расследование.

* * *

– Итак, что мы имеем на сегодняшний день? – спросил Пучков, усевшийся во главе стола. И сам же ответил на свой вопрос: – Удалось проследить родословную ротмистра Шестакова, от которого, собственно, и исходило проклятие. В семнадцатом он перешел на сторону большевиков. В восемнадцатом женился на крестьянке Ольге Уткиной. Умер в шестьдесят четвертом, оставив после себя дочь Арину Шестакову. Не буду утомлять с именами и датами, пройду лишь по самому основному. В сорок шестом Арина выходит замуж за некоего Антона Фокина. От этого брака в пятидесятом рождается сын Валерий Антонович Фокин. Ему сейчас пятьдесят лет, его сыну, Степану Валерьевичу – двадцать семь. Никаких других родственников и побочных ветвей нет.

– И на том спасибо, – пробормотал Стас.

– То, что мне удалось узнать о Валерии Фокине, должно нас заинтересовать. Вот, поглядите. – Саша достал газету и ткнул пальцем в объявление. «Изменение характера – коррекция судьбы. Доктор В.А. Фокин».

– Доктор чего? – спросил Стас.

– Как мне удалось узнать, доктор психологии.

– Вот это да! – выдохнула впечатлительная Вероника Матвеевна.

– Он работает один? – поинтересовался Стас. – Или у него какая-нибудь лига? Или центр?

– Нет, он сам по себе, – ответил Саша. – Я поехал поглядеть на него. Подкараулил на улице.

– Ну и как? – Вероника Матвеевна с девичьим любопытством наклонилась вперед.

– Потрясно. Высокий, стройный, выглядит чертовски молодо. Лицо породистое, тонкое. Брюнет с темными глазами.

– По описанию он похож на своего предка, ротмистра, заварившего всю эту кашу, – заметил Пучков.

– А что его сын? – напомнил Стас.

– Его сын, – подхватил Таганов, – Степан Фокин – личность довольно безобидная. Молодой бизнесмен со всеми вытекающими. Автосалон на Коровинском шоссе. Разведен. Бывшая жена – Светлана Прохорова...

– Стоп! – гаркнул Стас, метнувшись к своей папке.

Разбросав по столу бумаги, он тут же нашел нужную и положил ее перед Тагановым.

– Гляди, что написала Анастасия. Светлана Прохорова – ее единственная подруга. Еще со школьных лет. А Степан Фокин – первый муж этой самой Светланы. Значит, Шорохова должна быть хорошо знакома с Фокиным-младшим!

– Уже кое-что, – кивнул Пучков.

– В первую очередь надо выяснить, знал ли сам Степан, кто такая Шорохова, – заметила Вероника Матвеевна. – И имеет ли вообще представление о проклятии, которое его предок выдал на свадьбе Настиной прабабки.

– И наш доктор. До какой степени он в курсе? И если в курсе, то как относится ко всему этому?

– Тут придется продумывать все на несколько ходов вперед.

– Так, пошли дальше, – сказал Стас. – Что у нас по покушению на Фадеева?

– У нас – ничего, – сообщил Таганов. – А у милиции – пистолет, брошенный на месте преступления. Владельца обнаружили мгновенно. Это некий Воробьев Игорь Михайлович, бизнесмен. Имеет разрешение на ношение. Гражданин Воробьев уверяет, что пистолет у него украл, а вот кто и когда – он не в курсе.

– Ладно, Воробьева пока оставьте мне, – сказал Пучков. – Сегодня же все выясню. Стас, что есть у тебя?

– Пока ничего конкретного...

– Но...

– Никаких «но» тоже нет. Просто... Смутное такое ощущение.

– Ну-ну, – подзадорила Вероника Матвеевна. – Ощущение в начале расследования дорогого стоит.

– Мне кажется, в деле просматривается какая-то женщина, – продолжал Стас.

– Откуда вывел?

– Как вы помните, у Анастасии Шороховой были три жениха. Первый, Юрий Торопцев, свалился с лестницы в своем загородном доме. Так вот. Был свидетель, утверждавший, что в ночь гибели Торопцева рядом с ним находилась женщина. Это раз. Второй жених Анастасии – пропавший без вести студент Павел Локтев – абсолютно темная лошадка. Его родные смогли вспомнить только одно: накануне исчезновения Павлу звонили по телефону. Голос, как вы уже догадались, был женским.

– Два, – подытожила Вероника Матвеевна.

– И третий жених Анастасии, ее коллега Алексей Самсонов, упавший с балкона, был накануне своей гибели несколько раз замечен соседями с неизвестной женщиной, описать которую они затруднились. Но это была не Анастасия, потому что в те дни, когда Самсонова видели с незнакомкой, Анастасия лежала дома с высокой температурой – установлено точно.

– А ты говоришь – ощущения, – улыбнулась Вероника Матвеевна. – Это не ощущения, а реальные факты.

– И вовсе это не факты, а неподтвержденные фактики, – возразил Стас. – С ними еще предстоит работать. Первый свидетель – алкоголик. Телефонный звонок мог быть от кого угодно. А незнакомка, с которой видели Самсонова, не имеет ни примет, ни даже более или менее приличного описания.

– И все-таки в этом действительно что-то есть, – возразил Саша Таганов. – Женщина – это именно то, что подходит сюда идеально.

– У тебя просто мания, – отмахнулась Вероника Матвеевна. – Нашел мировое зло.

– Возможно, в Фадеева стреляли не потому, что он затеял расследование, – высказался Стас. – В конце концов, он из породы людей, которые сегодня стоят первыми в списке на отстрел. Допустимо предположить, что здесь междусобойчик, банальный передел собственности.

– Для этого не стали бы вытаскивать пистолет у какого-то там Воробьева, – заметил Пучков. – Кстати, этого Воробьева надо как следует потрясти. Возможно, именно в его окружении и обнаружится тот самый загадочный некто, который...

– Женщина! – воскликнул Таганов. – В его окружении надо искать женщину.

– Поищем, – сказал Пучков. – Кстати, Стас, а что с Шороховой?

– Поехала в больницу к Фадееву. Чувство вины просто убивает бедняжку.

– Как ты думаешь, нам удастся ей помочь? – спросила Вероника Матвеевна.

– Удастся. Ведь нам уже заплатили, – сказал Пучков. – А гонорары я еще ни разу не возвращал.

* * *

Настя шла по больничному коридору. Рядом вышагивала воинственно настроенная Светлана.

– Что же это, в конце концов, такое? – возмущалась она по дороге в больницу. – Затравили девку. Настюха, не вешай нос, прорвемся.

– А если и он умрет? – Нижняя губа у Насти мелко-мелко дрожала.

– Не имеет права.

Наткнувшись перед палатой Руслана на телохранителя, Светлана вобрала в легкие побольше воздуха и уже раскрыла рот, но Настя опередила ее.

– Как он? – набросилась она на парня. – К нему можно? Кто за ним ухаживает? Что говорят врачи?

Образованный Руслан, по всей видимости, не окружал себя недоразвитыми братками, вот и этот тип с традиционным ежиком на голове принялся отвечать на все вопросы весьма вразумительно.

– Врачи пока не говорят ничего определенного. Надо ждать. Здесь уже побывали Руслановы отец с братом, они обо всем договорились, так что не беспокойтесь – уход у него самый лучший.

– А зайти можно? – спросила Настя.

– Вам можно, – разрешил сторож и представился: – Меня зовут Андрей, кстати.

– Что, Андрюша, а мне, значит, нельзя? – насмешливо проговорила Светлана, скрестив на груди руки.

– Не стоит, – сказал охранник. – А то мне влетит.

– Ладно, так и быть, – смиловилась Светлана и присела на холодный коричневый диванчик по соседству. Закинув ногу на ногу, она изящным движением сомкнула руки на коленке, поглядела на Андрюшу своими кошачьими глазами и проникновенно проговорила: – Его ведь хотели убить, я правильно поняла?

– М-м, – неопределенно ответил страж.

– Не попали, что ли? – не отставала Светлана.

– Наверное, просто повезло. Видимо, в последний момент он заметил убийцу и попытался отскочить. Пуля прошла выше сердца.

– А почему его не добили в таком случае? Если это заказное убийство...

– Да какое это, к черту, заказное убийство? – мгновенно ошетинился Андрюша. – Лох стрелял, точно. Ствол ворованный, и не было контрольного в голову.

– Милиция тоже так думает?

– Ежу понятно.

– Значит, можно надеяться, что лоха они найдут. – Светлана побарабанила длинными ярко-красными ногтями по своей сумочке. – Хоть бы поскорее нашли. А то моя Настюха совсем расклеилась. Видел ее лицо? Опухла вся от слез.

Андрюша уважительно кивнул. Он, естественно, и понятия не имел, от чего Настя страдает, предполагал, что видит подлинную, столь редкую женскую верность. И подобная верность его трогала. Настя наконец вышла из палаты.

– Пойдем, – сказала она подруге. – Он без сознания. Я бы посидела с ним, но боюсь, – она перешла на шепот, – это может ему только повредить. Я – социально опасное существо. Обернувшись к телохранителю, Настя спросила: – Можно я буду звонить вам, а не в справочную? Мне бы хотелось быть в курсе...

Они обменялись телефонами.

– У меня нет мобильного, – добавила Настя. – Это домашний.

– А мой всегда при мне, – сообщил Андрюша. – Звоните в любое время.

Подруги вышли из больницы и зашагали по улице.

– Послушай, девочка моя... – Светлана внезапно остановилась и развернула Настю лицом к себе. – Что ты собираешься делать?

– А что я могу сделать? – с обидой в голосе спросила Настя. – Если бы я могла – неужели бы не сделала до сих пор?

– Ты давай не кипятись, а пораскинь мозгами. Я бы на твоём месте отправилась куда-нибудь за тридевять земель. Недельки на полторы – на две.

– Как это я уеду? – опешила Настя. – Руслан в больнице, детективы ведут дело, я им постоянно нужна. И, кроме того, у меня работа.

– Руслану ты вряд ли сейчас чем сможешь, – заметила Светлана. – А детективы обойдутся без тебя. И возьми отпуск на работе.

– Но я в этом году уже была в отпуске!

– О боже ты мой, какая ты, в сущности, дурочка, Настюха! – вздохнула Светлана. – Когда ты научишься пользоваться преимуществами, которые дает тебе природа?

– Что? Ты имеешь в виду Захара?!

– Естественно. Переспи с ним еще разок и поедешь себе в отпуск. В Испанию, например.

– Я уже была в Испании, – возразила Настя. – И я никогда в жизни больше не буду спать с Горянским.

– Почему? – искренне изумилась Светлана. – Мужчинами нужно пользоваться, покуда они в состоянии приносить пользу.

– От Захара один вред, – не сдавалась Настя. – И вообще... Недавно я пришла к выводу, что он козел.

– Я пришла к этому выводу сразу же, как его увидела, – усмехнулась Светлана. – Но на это можно наплевать. Раз он держит в руках некие рычаги, им не стоит пренебрегать.

– Иногда я завидую твоей практичности, – сказала Настя. – А иногда терпеть тебя за это не могу. У меня совершенно не та ситуация, чтобы спастись бегством.

– Помяни мое слово: если ты будешь с такой интенсивностью переживать, то совсем скоро превратишься в старуху.

– Вот и отлично. Буду жить с бабушками. Составим с ними триумвират. Надо было верить им с самого начала. А я не верила.

– Значит, останешься в Москве?

– Останусь.

– Смотри-ка, не могу тебя переспорить. Это я-то, мастерица на уговоры!

– Да, мастерица. Только ты забываешь, что действует твое мастерство исключительно на мужиков.

Польщенная, Светлана хмыкнула. Потом с надеждой в голосе спросила:

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Спасибо тебе за предложение, но нет. Чем ты можешь мне помочь? Впрочем, ты и так мне помогаешь. Поддерживаешь.

– А как же иначе? Ведь я обязана тебе всеми сегодняшними благами. Я добра не забываю.

Светлана намекала на своего мужа Никиту, которого Настя в свое время просто-напросто уступила ей. В сущности, Никита был Настинной находкой. Она панически боялась навредить ему, но он нравился ей до безумия. Они до сих пор оставались добрыми друзьями, хотя Светлана приложила немало сил, чтобы с корнем вырвать из сердца мужа эту привязанность. Уступила – так уж уступила, говаривала она. Настя не протестовала. Хотя иногда ей приходило в голову: случись что, она скорее встанет на сторону Никиты, а не подруги. Вообще дружба молодых женщин не была слепой, как родственная любовь. Видимо, фундаментом для нее служила давность лет – все-таки они знали друг дружку еще со школы – и еще общий, образно говоря, банк информации. Светлана знала про все Настины страхи и неприятности с самого начала, с детства. А Настя знала про все похождения Светланы, отличавшиеся зачастую не только авантюризмом, но и неистребимой пошлостью. И никогда не осуждала ее за это.

– А эти детективы? – спросила Светлана. – Они теперь будут тебе докладывать о проделанной работе?

– Не знаю, – промямлила Настя. – Может быть. По крайней мере, я надеюсь.

– А если Руслан умрет? Станут ли они тебя обслуживать за его денюжки?

– Господи, перестань же каркать! – Настя гневно посмотрела на подругу. – Ты как заведенная рисуешь мне гадостные перспективы. У меня и так отрицательных эмоций через край.

– Прости, – примирительно сказала Светлана. – На самом деле я хотела не расстраивать тебя еще больше, а настроить на деловой лад. Нельзя сидеть и распускать нюни. Ты не забыла, что ни один мужчина не может тебе помочь? Тебе не за кого спрятаться, бедняжка моя... Впрочем, если ты захочешь, я могу взять эту роль на себя. И Никита тоже поможет, – великодушно разрешила она.

– Нет уж, спасибо, – сказала Настя. – У меня, кроме моральных, нет больше никаких проблем. А с ними-то уж мне не привыкать справляться.

Шагая по тротуару в сторону дома, Настя с тоской подумала: «Все-таки женщины в большинстве своем стервы. Вот и Светлана. Неужели обязательно было напоминать, что она, Настя – пария в мире любви. В мире, где мужчины, очарованные своими подругами, совершают ради них подвиги и... остаются в живых».

* * *

Село Голубятово встретило Стаса покосившимися заборами, разноголосым лаем невидимых собак и раскисшими дорогами. Свою машину ему пришлось оставить на шоссе под указателем и дальше пробираться пешком. Перескакивая через лужи и жидкую грязь, он то и дело с недоумением глядел на восток, где за совхозным полем, словно сказочный мираж, раскинулся дачный поселок – розово-каменный, умытый, заасфальтированный, задрапированный вечнозелеными канадскими газонами. Стас мотал в недоумении головой и снова возвращался к реальности – перед ним раскинулась самая убогая деревня из всех, какие он видел за всю свою сознательную жизнь.

– Да Николая своего я еще пять лет назад схоронила, – с удивлением встретила Стаса хозяйка завалившегося набок домишки, мало чем отличающегося от стоящего рядом сарая. – Хотя он-то был долгожителем среди местных алкоголиков, прости господи.

Хозяйка думала, что Стас тут же развернется и уйдет, поэтому махнула рукой, повернулась и направилась по тропинке к своей двери. Но Стас и не собирался уходить. Он рысцой двинулся следом и приложил немало усилий, чтобы старушка пригласила его в гости. Сначала он решил, что бутылочка лимонной водки, припасенная для душевной беседы с Николаем Хитровым, утратила со смертью хозяина свою волшебную силу. Но старушка засуетилась, выставила на стол картошечку, соленые грибки и квашеную капустку, и Стас смекнул, что еще не все потеряно. Как только пупырчатая бутылка появилась в центре стола, старушка разлила презент по рюмочкам и выпила свои пятьдесят граммов, жмурясь от удовольствия. Стас, который был за рулем, аккуратно отставил свою рюмочку в сторону и приступил к разговору:

– А вы помните, как ваш муж выступал свидетелем по делу о гибели Юрия Торопцева? Девять лет назад это было. Вы наверняка помните.

– Чего ж, конечно, помню. Дурак старый. Заморочил голову занятым людям.

– Вы сами так-таки и не поверили, что он кого-то видел той ночью вместе с Торопцевым? Какую-то женщину?

– Не кого-то и не какую-то женщину. Мой дурак уперся, что видел с ним Настеньку, невесту Юрину. А Настенька-то в то время в городе была, с соседями своими. Мне потом уж милиционеры объяснили.

– Я читал показания вашего мужа, – сказал Стас. – И они показались мне странными.

– Еще бы. Он же пьяный тогда был!

– Когда? Когда видел Настеньку? Или когда показания давал?

– И тогда, и тогда пьяный был. – Хозяйка повела бровями и пояснила: – Он все время пьяный был. Вообще не просыхал. Думаю, если бы его насильно протрезвили, он бы меня даже не узнал.

Она хихикнула в кулак и снова подняла на Стаса терпеливые выцветшие глаза, ожидая следующего вопроса. И Стас его тут же задал:

– Знаете, что было странного в его показаниях? Он уперся, как трактор, – видел, мол, Настю Шорохову, и все. Сколько его ни спрашивали, с чего он взял, что это была именно она, Николай ваш так ничего вразумительного и не ответил.

– Да у него эти были... люцификации, что ли. Привиделось ему что-то желтое, вот он и заартачился.

– Желтое? – насторожился Стас. – Вы вообще о чем говорите? В деле нет никаких упоминаний про что-то желтое.

– Какое там дело?! – пренебрежительно махнула рукой хозяйка. – С пьяного Николая показания писали. Это разве дело?

– Не смогли дождаться, пока протрезвеет?

– Да кабы он протрезвел, то все бы сразу из башки его вылетело. Я им так и сказала. Пишите, говорю, что надо, пока он тепленький, но веры его словам – никакой. Они по соседям походили, поспрашивали про него, алкоголика, записали всю его околесицу, с тем и прочь подались.

– А желтое? – напомнил Стас. – Вы сказали, что ему привиделось что-то желтое.

– Ну да. Потому он и решил, что видел именно Настеньку! Она ко мне за молоком приходила почитай каждый день. Корова у меня была в тот год, я молоком и торговала.

– Так-так, – закивал Стас. – Она что, приходила в желтом платье?

– Не в платье, а в шляпе. Шляпа у ней была такая приметная, круглая шляпа, ярко-желтая, как лимон. Она всегда ее надевала, когда за молоком шла. Идти-то все по открытому месту, вот она и приладилась шляпу надевать.

Старуха снова посмотрела на бутылку, и Стас поторопился наполнить опустевшую рюмочку.

– И, увидев кого-то в желтом в ту ночь, Николай ваш по пьянке решил, что это Настенька?

– Да пригрезилось ему все! Я же говорю: люцификации у него были после самогонки. Самогонку жрал, вы бы видали как! Всю голову мне продолбил: была там, говорит, твоя Настенька в своей желтой шляпе. Вот хоть тресни – она, и все тут.

Стас приканчивал угощение, изо всех сил стараясь не уйти в себя. Его мозг лихорадочно работал, пытаясь пристроить новые факты к делу Торопцева. Конечно, это была не Настя. У нее железное алиби на ту ночь. Но кто? Кто-то в желтой шляпе, в такой же шляпе, как у Насти. Или в той же самой шляпе. Это был крохотный кончик нити, утерянной девять лет назад на просторах деревни Голубятово. Стас очень надеялся, что ему удастся ухватиться за этот кончик, благодаря чему клубочек начнет раскручиваться.

* * *

– Я развиваю индивидуальные силы личности.

Фокин смотрел на посетительницу серьезно и внимательно, но пронизательная Вероника Матвеевна все же уловила в его интонациях намек на иронию. «Вот так-так, – подумала она. – Выходит, ты, голубчик, относишься к своим клиентам свысока. Что ж, это надо иметь в виду».

– Вам же, – продолжал хозяин кабинета, – необходим специалист по коррекции жизненного курса. Кто-нибудь из последователей Тойча. Это они занимаются неразрешимыми на первый взгляд жизненными проблемами. Повторяющимися ситуациями.

– Ну... – неуверенно проговорила Вероника Матвеевна, – возможно, если развить мои индивидуальные силы по вашему методу, проблемы как-нибудь решатся? Что, если дело как раз в слабости моего характера?

Она и в самом деле не предполагала, что Фокин настолько не заинтересован в клиентах, что отошлет ее к кому-нибудь другому. Или в его нежелании заниматься Вероникой Матвеевной был свой резон. «А вдруг он с помощью каких-нибудь методик уже заглянул в мои мозги и обо всем догадался?» – невольно подумала она. Глаза у Фокина были до того пронзительные, что Вероника Матвеевна боялась глядеть в них долго.

– Ваша проблема гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. – Валерий Антонович сложил свои изящные пальцы шалашиком и уставился на Веронику Матвеевну взглядом строгого судьи.

– Неужели никак нельзя противодействовать враждебным силам? Умирая, бабушка сказала мне: «Ты всегда будешь неудачницей». Так и получилось. Я самая большая неудачница на свете. Ее слова меня словно заклеили. А один человек сказал мне, что бабушка тут вовсе ни при чем. Что я сама создала себе установку на неудачи. Они преследуют меня потому только, что я их провоцирую своими мыслями.

– В этом есть доля истины. Неудачник – это, можно сказать, определенная психическая категория. Он терпит неудачи независимо от того, знает ли причину этого или нет. Вам кажется, что вы знаете. Но это не факт. Правда и то, что, будучи слабым и жалуясь на свою слабость, неудачник навлекает на себя беды самим своим настроением. Он обречен на неудачи по закону причины и следствия: «От неимущего отыметя...»

– Вы говорите обо мне? – перебила Вероника Матвеевна.

– Я говорю о лекциях Турнбуля. Вам может подойти его практический курс.

– Но я-то пришла к вам, – проворчала Вероника Матвеевна. – Почему вы считаете, что *вам* я не подхожу?

– Да что вы? Это я вам не подхожу. Я чувствую поля. Наши с вами – несовместимы.

– А по-моему, это чушь собачья. Просто вы понимаете, что справиться с конкретной проблемой, такой, как у меня, вам не под силу. Тогда вам следовало бы не открывать частную практику, а заниматься чистой теорией.

Валерий Антонович усмехнулся и склонил голову к плечу. Его высокий чистый лоб прорезала одинокая морщина.

– Думается, вас привело ко мне весьма конкретное дело.

– Естественно. Слова моей бабушки о том, что я неудачница...

– Нет-нет. Это все наносное. Вы целиком сосредоточены на мне, понимаете?

– Ну, в общем-то, я, как человек образованный, естественно, не бездумно подхожу к выбору специалиста, к которому обращаюсь за помощью в таком деликатном деле.

– Простите, а где вы работаете?

– Я секретарь в офисе торговой фирмы «Шанс», – с легкостью соврала Вероника Матвеевна.

– Хорошо, Вероника. Можно звать вас по имени?

– Если наши взаимоотношения будут продолжаться, то да.

– Я согласен работать с вами.

– А сколько это будет стоить?

Валерий Антонович запрокинул голову и рассмеялся, показав ошеломленной Веронике Матвеевне два ряда неровных, но до чрезвычайности белых зубов.

– Почему вы смеетесь? – насторожилась она.

– Потому что вы не похожи на неудачницу! – выпалил Валерий Антонович.

– А на кого я похожа? – почти кокетливо спросила Вероника Матвеевна.

– На человека, имеющего определенные, но непонятные мне пока намерения.

* * *

– Боюсь, вы скоро возненавидите меня, – криво ухмыльнулся Стас, стараясь не смотреть на Настю глазами придурковатого обожателя.

– Почему это?

– Я постоянно буду напоминать вам о неприятных моментах вашей жизни, буду спрашивать о подробностях, разговорах, ах...

– Но я ведь все понимаю! – возразила Настя с излишней горячностью. – Вы же не специально это делаете.

– Я рад, что вы настроены дружелюбно. Мне бы не хотелось... м-м-м... ощущать враждебность с вашей стороны.

Стас чувствовал себя кретином, заблудившимся в лабиринте двух своих извилин. Клоуном, забывшим конец репризы. У него имелись совершенно конкретные вопросы к Анастасии Шороховой, а он вместо того, чтобы расспрашивать ее, рассыпался в глупых извинениях. Вчера Стас разбирал фотографии самого первого дела. И когда глядел на Торопцева, раскинувшего руки на полу возле лестницы – красивого, в элегантном вечернем костюме и белоснежной рубашке, со сбившейся набок кокетливой крапчатой бабочкой под подбородком, – он ревновал. Это было странное, плохо поддающееся объяснению чувство – чувство, испугавшее его.

– Вы хорошо знали Павла Локтева? – сдавленно кашлянув, спросил Стас. Он имел в виду парня с биофака, который, возжелав увидеть Настю в качестве своей жены, исчез из жизни, как по мановению волшебной палочки.

– Да нет, напротив. Я плохо его знала. Действительно, плохо. Это унижительно для него, но это так. Он по уши влюбился, это было видно. Но... Но он был мне совершенно чужим.

Он открылся как-то сразу, вдруг. Начал ухаживать, приносил цветы, поджидал у выхода, провожал, умолял о свиданиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.